

Посвящается Виржини Люк

I

МИЛАЯ ЕВРОПА

Я обещал Максу Бёму в последний раз навестить его перед отъездом.

В тот день над французской Швейцарией собиралась гроза. В небе разверзались черные и синие пропасти, и туда проваливались ослепительные молнии. Теплый ветер дул неведомо откуда. Я ехал по берегу Женевского озера во взятом напрокат автомобиле с откидным верхом. За поворотом дороги в мутной пелене наэлектризованного воздуха показался Монтрё. По озеру ходили волны, а прибрежные отели, несмотря на разгар туристического сезона, казалось, разом обезлюдели, словно на них легло какое-то проклятье. Подъехав к центру, я притормозил и углубился в узенькие улочки, ведущие к самой высокой точке городка.

Когда я наконец очутился у шале Макса Бёма, уже почти стемнело. Я взглянул на часы: было ровно пять. Позвонил в дверь, подождал. Никакого ответа. Я снова принялся настойчиво звонить, потом прислушался. Внутри — ни звука. Я обошел вокруг дома: света нет, окна закрыты. Странно. С самого моего первого визита сюда и до сих пор Макс Бём всегда казался мне человеком пунктуальным. Вернувшись к машине, я стал ждать. Из толщи облаков доносились глухие раскаты. Я поднял откидной верх автомобиля. Прошло полчаса, но Макс так и не появился. Тогда я решил отправиться в заповедник: орнитолог вполне мог поехать навестить своих подопечных.

В немецкую Швейцарию я попал через город Буль. Дождь так и не собрался, а вот ветер усилился, и из-под

колес моей машины вылетали клубы пыли. Примерно через час я добрался до обнесенных изгородью лугов в окрестностях Вейсембаха. Заглушив мотор, я прямо по траве направился к вольерам.

За сеткой я разглядел несколько аистов. Оранжевые клювы, белое с черным оперенье, зоркие глаза. Казалось, их что-то беспокоит. Они шумно хлопали крыльями и щелкали клювами. Наверное, причиной тому была гроза, а может, инстинкт странствий. Мне вспомнились слова Бёма: «Аисты — это птицы, обладающие врожденным инстинктом миграций. Они снимаются с места не потому, что этого требуют погодные условия или недостаток пищи, а потому, что так устроены их внутренние часы. Однажды приходит время улетать, вот и все». Наступил конец августа, и аисты, должно быть, услышали таинственный сигнал. Неподалеку по пастбищам разгуливали другие аисты, покачиваясь от ветра. Они тоже стремились улететь, но Бём подрезал им крылья: удалил перья с крайней фаланги одного крыла, нарушив балансировку и тем самым не давая птицам взлететь. Этот «друг природы» имел довольно своеобразное представление о вселенском порядке.

Вдруг на соседнем поле появился какой-то невероятно худой человек. Он шел, склоняясь под порывами ветра. Меня обволокли густые запахи скошенных трав, и я почувствовал, как в голове зарождается тупая боль. Тощий что-то прокричал мне издали по-немецки. Я в свою очередь проорал свой вопрос по-французски, и тот ответил мне тоже по-французски: «Бём сегодня так и не появился. Как, впрочем, и вчера». Человек был лысый, лишь над его лбом развевалось несколько спутанных прядок, которые он безуспешно пытался пригладить. Он добавил: «Обычно он каждый день приходит кормить свою живность».

Я сел в машину и поехал к «Экомузее». Это было нечто вроде поселения, расположенного неподалеку от Монтрё, где старинные швейцарские шале были реконструированы в натуральную величину с сохранением мельчайших деталей. На каждой трубе громоздилось гнездо аистов, находившееся под бдительной опекой Макса Бёма.

Вскоре я въехал в бутафорскую деревню. Дальше пришлось идти пешком по пустынным узеньким улочкам. Я довольно долго плутал в замысловатом лабиринте коричневых и белых домиков, единственным обитателем которых была пустота, пока наконец не вышел к сторожевой башне — мрачному четырехугольному сооружению, высотой более двадцати метров. Наверху виднелось гигантское гнездо аистов. «Самое большое гнездо в Европе», — сказал мне как-то раз Макс Бём. Аисты сидели на месте, внутри этого колоссального венка из земли и веток. Птицы оглушительно щелкали клювами, громкое эхо разносилось по безмолвным улицам — словно кто-то клацал зубами, держа у рта микрофон. Бёма нигде не было.

Я вернулся той же дорогой и отыскал сторожку. Ночной дежурный смотрел телевизор. Он ел сэндвич, а его собака с удовольствием угощалась мясными фрикадельками из казенной миски.

— Бём? — переспросил сторож с набитым ртом. — Он приходил позавчера, поднимался на башню. Мы выносили ему лестницу. — Я вспомнил это кошмарное приспособление, орнитолог часто им пользовался: это была древняя, облупленная пожарная лестница. — Но потом я его не видел. Он даже не собрал инвентарь.

Сторож пожал плечами и добавил:

— Бём здесь как у себя дома. То приходит, то уходит.

И откусил кусок сэндвича, давая понять, что разговор окончен. В моем мозгу зародилась смутная догадка.

— Не могли бы вы снова ее вытащить?

— Что?

— Лестницу.

Собака бежала рядом, путаясь у нас под ногами. Сторож шагал молча. Ему явно пришлись не по вкусу мои ночные планы. Он открыл дверь сарая, расположенного рядом с башней. Мы вытащили лестницу, закрепленную на двух колесах от телеги. Агрегат показался мне еще менее надежным, чем обычно. И все же с помощью сторожа я приладил на место все цепи, блоки и тросы, и мало-помалу лестница вознеслась ввысь. Ее верхний конец сильно раскачивался от ветра.

Сглотнув комок слюны, я приступил к восхождению, соблюдая осторожность. По мере подъема мои глаза видели все хуже: они слезились от ветра и от страха высоты. Мои пальцы ожесточенно цеплялись за перекладки. При каждом движении у меня внутри все холодело. Десять метров. Я сосредоточил внимание на стене и заставил себя карабкаться дальше. Пятнадцать метров. Деревянные планки были мокрыми, и подошвы моих ботинок то и дело скользили. Лестница ходила ходуном, ее вибрация отдавалась у меня в коленях. Я осмелился взглянуть перед собой. Гнездо теперь находилось на расстоянии вытянутой руки. Затаив дыхание, я преодолел последние ступеньки и схватился за ветви гнезда. Аисты улетели. Какое-то мгновение я не видел ничего, кроме хаоса хлопающих крыльев, а потом передо мной открылась ужасная картина.

Я увидел Бёма: он лежал на спине, с открытым ртом. Он нашел пристанище в гигантском гнезде. Из-под разорванной рубашки непристойно выпячивался белый, измазанный землей живот. На месте глаз зияли пустые кровавые дыры. Не знаю, приносят ли аисты младенцев, но с мертвецом они поработали на славу.

2

Стерильная белизна, лязг металлических инструментов, безмолвные люди-тени. Было три часа утра, я сидел в ожидании в маленьком госпитале в Монтрё. Двери отделения скорой помощи открывались и закрывались. Медсестры ходили взад-вперед. Люди в масках появлялись и исчезали, даже не замечая моего присутствия.

Сторож, потрясенный случившимся, остался в деревне. Сам я тоже чувствовал себя немногим лучше. Меня колотило, и в голове было пусто. Я раньше никогда не видел трупов. Растерзанное тело Бёма — это было слишком для первого раза. Птицы уже выклевали ему язык и еще что-то внутри, в области гортани. Множество ран покрывали его живот и бока: они были сплошь истыканы и изорваны

клювами. В конце концов, птицы сожрали бы его целиком. «Вы ведь знаете, аисты — плотоядные пернатые, не так ли?» — сказал мне Макс Бём при нашей первой встрече. Теперь-то я уж точно этого не забуду.

Пока пожарные снимали труп и спускали его вниз, аисты медленно и опасно кружили над ними. В последний раз я видел тело Бёма, когда оно уже лежало на земле, все в комьях грязи и кровавых корках. Потом его засунули в шуршащий чехол. В прерывистом свете мигалок все казалось мне нереальным, и я наблюдал за происходящим, абсолютно ничего не чувствуя, — готов в этом поклясться. Словно меня там вовсе не было, словно я испуганно смотрел на все со стороны.

Я ждал. И вспоминал последние два месяца своей жизни, увлеченную работу с птицами, закончившуюся сегодня чем-то вроде поминальной молитвы.

Итак, я был молодым человеком, приличным во всех отношениях. К тридцати двум годам я получил докторскую степень по истории — результат восьмилетних трудов, посвященных «понятию культуры у Освальда Шпенглера». Когда я закончил ваять этот огромный том в тысячу страниц, никому не нужный с практической точки зрения и крайне трудный для восприятия, мною овладела единственная идея: забыть науку навсегда. Я устал от книг, музеев, от фильмов по искусству и экспериментального кино. Устал жить чужой жизнью, устал грезить об искусстве и блеске гуманитарных наук. Мне хотелось действовать, почувствовать вкус реальности.

У меня было несколько знакомых молодых врачей, добровольно выбравших работу в социальных учреждениях и «потерявших год», чтобы самоутвердиться. Знал я и начинающих адвокатов, отправившихся в Индию и приобщившихся к мистицизму, прежде чем заняться собственной карьерой. А меня не привлекала никакая профессия, не интересовали ни экзотические страны, ни страдания ближнего. Тогда мои приемные родители в очередной раз пришли мне на помощь. Я говорю «в очередной раз», потому что после несчастного случая, унесшего жизнь моих

родителей и брата, эта чета пожилых дипломатов всегда обеспечивала меня тем, в чем я нуждался: сначала няней, когда я был маленьким, потом солидным содержанием, позволившим мне никогда не думать о финансовых проблемах.

Так вот, Жорж и Нелли Бреслер посоветовали мне отправиться к Максу Бёму, одному из их швейцарских друзей, искавшему себе в помощники кого-то вроде меня. «Вроде меня?» — осведомился я, беря записку с адресом Бёма. Мне ответили, что он, вероятно, пробудет в указанном месте несколько месяцев, а позже они непременно позаботятся о подходящей для меня должности.

В дальнейшем события приняли неожиданный оборот. А первая встреча с Максом Бёмом, странная и таинственная, во всех подробностях запечатлелась в моей памяти.

В тот день, 17 мая 1991 года, часа в четыре дня, после долгих блужданий по узеньким улочкам верхней части Монтрё, я наконец нашел дом номер три по Озерной улице. За углом одной из площадей, сплошь утыканной средневековыми фонарями, я обнаружил шале с массивной деревянной дверью и табличкой «Макс Бём». Я позвонил. Спустя какое-то время дверь резко распахнулась, и я увидел на пороге широко улыбающегося человека лет шестидесяти. «Вы Луи Антиош?» — спросил он. Я кивнул и вошел в жилище господина Бёма.

Внутри дом весьма напоминал тот квартал, где он находился. Комнаты были узкие, со сложной планировкой: повсюду какие-то закоулки и этажерки, а еще шторы, за которыми явно не было никаких окон. Пол располагался на разных уровнях, соединенных множеством ступенек. Бём отдернул занавеску над дверью и пригласил меня следовать за ним. Мы спустились в подвальное помещение и вошли в комнату с выбеленными стенами; там стоял только дубовый письменный стол, а на нем красовались пишущая машинка и кипа бумаг. Над столом висели карты Европы и Африки, а также многочисленные гравюры, изображавшие птиц. Я сел. Бём предложил мне чаю. Я охотно согласился (надо сказать, что я, кроме чая, ничего не пью).

Бём в мгновение ока достал откуда-то термос, чашки, сахар и лимоны. Пока он хлопотал, я внимательно его разглядывал.

Он был невысокий и плотный, на голове — ежик совершенно седых волос. Круглое лицо пересекала белая полоска аккуратно подстриженных усов. Кряжистая фигура и неповоротливость в движениях определенно придавали ему суровость, но лицо его светилось необычайным добродушием. Особенно глаза: окруженные мелкими морщинками, они словно все время смеялись.

Бём осторожно поставил чашки и разлил чай. У него были грубые руки и неловкие пальцы. «Старик-лесовик», — подумал я. В его доме чувствовался военный дух: то ли он прежде служил в армии, то ли занимался каким-то чисто мужским ремеслом. Наконец он уселся, сложил руки и заговорил приятным голосом:

— Значит, вы родственник Бреслеров, моих старых друзей?

Я откашлялся и уточнил:

— Я их приемный сын.

— А я всегда считал, что у них нет детей.

— Действительно нет. То есть нет своих детей. — Бём молчал, и я продолжил: — Мои родители были близкими друзьями супругов Бреслер. Когда при пожаре погибли мои родители и брат, мне исполнилось семь лет. У меня больше никого не осталось. Жорж и Нелли меня усыновили.

— Нелли мне рассказывала о ваших превосходных умственных способностях.

— Боюсь, она преувеличивала. — Я открыл папку. — Вот тут я принес вам сведения о себе.

Бём отодвинул листок в сторону огромной мощной ладонью. Хватило бы и двух его пальцев, чтобы сломать руку кому угодно. Бём произнес:

— Я доверяю мнению Нелли. Она вам говорила о ваших будущих обязанностях? Она предупреждала, что речь идет о совершенно особом поручении?

— Нелли ничего мне не сказала.

Бём умолк и уставился на меня. По-видимому, он хотел проследить, как я буду реагировать на его слова.

— В моем возрасте праздность способна порождать некоторые прихоти. Моя привязанность к определенным живым существам весьма усилилась.

— Кого вы имеете в виду? — поинтересовался я.

— Не людей.

Бём снова замолчал. Совершенно очевидно, ему нравилось держать собеседника в напряжении. Наконец он тихонько проговорил:

— Речь идет об аистах.

— Об аистах?

— Видите ли, я очень люблю природу. Вот уже сорок лет я увлекаюсь птицами. В молодости я читал массу книг по орнитологии, часами торчал в лесу, вооружившись биноклем и наблюдая за разными видами птиц. Белый аист стал особенно дорог моему сердцу. Прежде всего потому, что это самая удивительная из всех перелетных птиц, она способна каждый год преодолевать расстояние в двадцать тысяч километров. В конце лета, когда аисты отправлялись в путь в сторону Африки, я душой устремлялся вслед за ними. Впрочем, потом я выбрал такую работу, что она позволяла мне путешествовать вместе с птицами. Я инженер, мсье Антиош, специализировался на общественных работах, а теперь вышел на пенсию. Всю жизнь я добровольно отправлялся на большие стройки на Средний Восток и в Африку, следуя по маршруту птиц. Теперь я живу здесь постоянно, но продолжаю изучать процесс миграции аистов. Я даже написал о них несколько книг.

— Я ничего не знаю об аистах. Чего же вы ждете от меня?

— К этому я и веду. — Бём отхлебнул чай. — С тех пор как я, уйдя на пенсию, поселился здесь, в Монтрё, аисты чувствуют себя великолепно. Каждый год мои аисты возвращаются, и все пары находят свои гнезда в целостности и сохранности. Все идет четко как по нотам. Хотя в этом году восточные аисты не вернулись.

— Что вы имеете в виду?

— Из семисот пар птиц, зарегистрированных в Германии и Польше, в марте и апреле в небе не появилось и пятидесяти. Я ждал не одну неделю. Я даже выехал на место их пребывания. Но ничего не мог поделать. Аисты так и не вернулись.

Внезапно орнитолог показался мне старым и одиноким. Я спросил у него:

— Вы нашли этому какое-то объяснение?

— Возможно, там случилось экологическое бедствие. Или применили новый инсектицид. У меня — одни предположения. А я хотел бы знать наверняка.

— И чем же я могу вам помочь?

— В августе десятки аистов тронутся в путь, чтобы совершить свой ежегодный перелет. Я хотел бы, чтобы вы следовали за ними. День за днем. Я хотел бы, чтобы вы прошли точно по их маршруту. Я хочу, чтобы вы узнали, какие трудности подстерегают их на пути. Чтобы вы спросили местных жителей, полицию, орнитологов. Я хочу, чтобы вы выяснили, почему исчезли мои аисты.

Замысел Бёма привел меня в замешательство.

— Вам не кажется, что вы в тысячу раз лучше меня справитесь с...

— Я поклялся, что ноги моей больше не будет в Африке. Кроме того, мне уже пятьдесят семь лет. Сердце у меня пошаливает. Мне уже трудно выезжать на место наблюдений.

— Разве у вас нет ассистента — молодого орнитолога, который мог бы заняться этим расследованием?

— Я не люблю профессионалов. Я хочу, чтобы моим помощником был человек непредвзятый, не обладающий специальными знаниями, готовый отправиться навстречу тайне и раскрыть ее. Итак, вы согласны или нет?

— Согласен, — не колеблясь, ответил я. — Когда мне ехать?

— Вместе с аистами в конце августа. Путешествие продлится месяца два. В октябре птицы будут уже в Судане. Все должно проясниться до назначенного мною срока. Если ничего не получится, вы вернетесь, и загадка останет-

ся неразгаданной. Вы будете получать пятнадцать тысяч франков в месяц плюс оплата расходов. Вас зачислят штатным сотрудником нашей организации — АЗЕА, Ассоциации защиты европейского аиста. Мы не очень богаты, но для этого путешествия мной предусмотрены наилучшие условия: авиаперелет в первом классе, аренда автомобилей, удобные гостиницы. Первую сумму вам выдадут в середине августа, вместе с билетами на самолет и документами на забронированные для вас номера. Как вам кажется, мое предложение разумно?

— Я в вашем распоряжении. Только скажите мне сначала одну вещь: как вы познакомились с Бреслерами?

— На симпозиуме орнитологов в Метце, в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. Основная тема — «Западная Европа: аисты в опасности». Жорж тоже выступал, он сделал интересное сообщение о серых журавлях.

Впоследствии Макс Бём проехал со мной по всей Швейцарии и показал несколько питомников, где он выращивал ручных аистов. Их птенцы должны были к осени превратиться в перелетных птиц, которых мне и предстояло сопровождать. В дороге орнитолог рассказал мне об основных целях моих будущих странствий. Во-первых, маршрут птиц примерно известен. Во-вторых, аисты пролетают в день не более сотни километров. В-третьих, Бём применял безошибочное средство, позволяющее где угодно находить европейских аистов: он их кольцевал. Каждую весну он надевал на лапки аистят колечки с датой рождения птенца и его регистрационным номером. Таким образом, вооружившись биноклем, можно было каждый вечер без труда отыскивать «его» птиц. Ко всему вышесказанному следовало добавить, что Бём постоянно переписывался с орнитологами всех стран, где пролегал маршрут перелета, они должны были мне помочь и ответить на вопросы. Бём не сомневался, что при таких условиях я непременно выясню, что же произошло прошлой весной, когда птицы совершали свое обычное путешествие.

Три месяца спустя, 17 августа 1991 года, мне позвонил необычайно возбужденный Макс Бём. Он вернулся из Германии, где обнаружил, что птицы уже готовы тронуться в путь. Бём перечислил на мой счет пятьдесят тысяч франков (зарплата за два месяца вперед плюс приличная сумма на первые расходы) и курьерской почтой переслал мне авиабилеты, ваучеры на аренду машин и список зарезервированных для меня номеров в гостиницах. К этому прилагался билет на экспресс «Париж — Лозанна». Бём хотел со мной увидеться в последний раз, чтобы уточнить детали нашего плана.

Итак, 19 августа в семь часов утра я пустился в путь, вооружившись путеводителями, визами и запасом лекарств. В моей дорожной сумке лежали только самые необходимые вещи. Все мои вещи, включая компьютер, составляли багаж среднего размера, с собой я нес маленький рюкзачок. Полный порядок. А вот в душе, наоборот, царил немыслимый хаос: во мне бурлили, смешиваясь, неясные надежды, подозрения, крайнее волнение.

З

И вот сегодня все было кончено. Так и не успев начаться. Макс Бём так никогда и не узнает, почему исчезли его аисты. А я тем более. Поскольку его смерть ставила точку в его расследовании. Я собирался вернуть деньги ассоциации и вновь засесть за книги. Моя карьера путешественника завершилась молниеносно. Меня не удивило, что она имела такой неудачный конец. Ведь, что греха таить, я был всего лишь праздным студентом. Так с чего бы мне вдруг превращаться в отпетого авантюриста?

Однако я все еще ждал. Сидел в больнице и ждал. Ждал инспектора полиции и результатов вскрытия. Разумеется, произвели вскрытие. Дежурный врач приступил к нему немедленно, как только получил разрешение полиции — ведь, судя по всему, родственников у Макса Бёма не было. Что же случилось со старинной Максом? Сердечный

приступ? Или на него напали аисты? На все эти вопросы требовалось ответить, и поэтому сейчас медики кромсали тело Бёма.

— Вы Луи Антиош?

Погруженный в раздумья, я не заметил, как подошел какой-то человек и сел рядом со мной. У него был спокойный голос и такой же спокойный вид. Удлиненное лицо с правильными чертами, только надо лбом — непокорный вихор. Парень смотрел на меня мечтательными глазами, еще немного сонными. Он не успел побриться, что, судя по всему, случалось с ним крайне редко. На нем были отлично сшитые легкие полотняные брюки и нежно-голубая рубашка фирмы «Лакост». Мы с ним были одеты почти одинаково, только моя рубашка была черной и на ней вместо лакостовского крокодила красовался череп. Я ответил: «Да. А вы из полиции?» Он кивнул и сложил руки, словно собираясь молиться:

— Инспектор Дюма. Дежурил сегодня ночью. И тут такое. Это вы его нашли?

— Да.

— В каком он был состоянии?

— Он был мертв.

Дюма пожал плечами и достал блокнот.

— При каких обстоятельствах вы его обнаружили?

Я рассказал ему, как искал Бёма весь вечер. Дюма медленно помечал что-то в блокноте. Он снова задал вопрос:

— Вы француз?

— Да. Живу в Париже.

Инспектор тщательно записал мой адрес.

— Вы давно знакомы с Максом Бёмом?

— Нет.

— Какого рода отношения вас связывали?

Я решил соврать.

— Я орнитолог-любитель. Мы с ним планировали запустить образовательную программу о птицах.

— О каких?

— Главным образом о белых аистах.

— Какая у вас специальность?

- Я только что закончил обучение.
- Какое? По орнитологии?
- Нет. По истории и философии.
- А сколько вам лет?
- Тридцать два.

Инспектор тихонько присвистнул.

— Вам здорово повезло: вы имели возможность так долго заниматься тем, что вас увлекает. Мне столько, сколько вам, а я уже тринадцать лет работаю в полиции.

— История меня вовсе не увлекает, — сурово возразил я.

Дюма уставился в стену напротив. На его губах мелькнула мечтательная улыбка.

— Уверяю вас, работа в полиции тоже не кажется мне увлекательной.

Он опять посмотрел на меня:

— Как вам кажется, когда умер Макс Бём?

— Думаю, позавчера. Семнадцатого вечером сторож видел, как Макс поднялся в гнездо, однако не видел, чтобы он оттуда спускался.

— По-вашему, отчего он умер?

— Не знаю. Может, стало плохо с сердцем. И тогда аисты начали... его клевать.

— Я видел тело до начала вскрытия. Вам еще есть что добавить?

— Нет.

— Вам надо будет подписать ваши показания в комиссариате, он находится в центре. Все оформят ближе к полудню. Вот адрес. — Дюма вздохнул. — Эта история с гибелью Бёма наделает много шума. Он ведь был знаменитостью. Вы, наверное, знаете, что это он вернул аистов в Швейцарию. Мы здесь придаем подобным вещам большое значение.

Он помолчал, потом усмехнулся и продолжил:

— Забавная у вас рубашка... очень подходит к случаю.

Я ждал этого замечания с самого начала. Из затруднительного положения меня вывела маленькая плотная брюнетка, которая вышла в коридор. Она была в белом

халате, испачканном кровью, на ее морщинистом лице пятнами рдел румянец. Эта женщина, должно быть, многое повидала, такую не проведешь. Она носила туфли на высоком каблуке, и при каждом ее шаге раздавался громкий стук, что казалось очень странным в этом ватном царстве тишины. Она подошла к нам. От нее сильно пахло табаком.

— Вы здесь по поводу Бёма? — спросила она хриплым голосом.

Мы встали. Дюма представил нас:

— Это Луи Антиош, студент, друг Макса Бёма. — В голосе инспектора я услышал иронические нотки. — Именно он обнаружил тело сегодня ночью. А я инспектор Дюма, федеральная полиция.

— Катрин Варель, кардиохирург. Вскрытие затянулось, — произнесла она, вытирая лоб, покрытый каплями пота. — Случай оказался более сложный, чем предполагалось. В первую очередь из-за ран. Отверстия от ударов клювами, довольно глубокие. Кажется, его нашли в гнезде аистов. Что же он там делал, боже ты мой?

— Макс Бём был орнитологом, — пояснил Дюма довольно холодно, — странно, что вы этого не знаете. Он был очень знаменит. Он охранял аистов на территории Швейцарии.

— Ах вот оно что... — протянула женщина с сомнением.

Она достала пачку коричневых сигарет и закурила. Я заметил, что в помещении висит табличка, запрещающая курить, и понял, что эта женщина не швейцарка. Она выпустила длинную струю дыма и вновь заговорила:

— Вернемся к вскрытию. Несмотря на многочисленные раны — их описание вы получите сегодня утром, — ясно, что этот человек умер от сердечного приступа, вечером семнадцатого августа, примерно в восемь часов. — Она повернулась ко мне. — Если бы вы его не нашли, запах вскоре встревожил бы посетителей. Но кое-что мне кажется особенно странным. Вы знали, что Бём перенес трансплантацию сердца?

Дюма вопросительно взглянул на меня. Доктор Варель продолжала:

— Когда мои коллеги наткнулись на длинный шрам на уровне грудной клетки, они позвали меня, чтобы я следила за ходом вскрытия. Факт трансплантации не вызывает никаких сомнений: прежде всего имеется характерный рубец от вскрытия грудной клетки, затем обнаружены чрезмерные сужения полости перикарда, что свидетельствует о хирургическом вмешательстве. Кроме того, я отчетливо разглядела следы швов на аорте, легочной артерии, левом и правом предсердиях — их наложили при трансплантации нерассасывающимися нитями.

Доктор Варель снова выдохнула облако дыма.

— Операция явно была сделана довольно давно, — продолжала она, — но новый орган прекрасно прижился, обычно мы обнаруживаем на пересаженном сердце множество белесых шрамов, образующихся на месте отторжения тканей, — иными словами, на месте некроза мышечных клеток. Можно сказать, случай Бёма очень интересный. И судя по тому, что я увидела, парень, сделавший ему операцию, был мастер своего дела. Впрочем, я уже навела справки: ни у кого из наших врачей Макс Бём не наблюдался. Вот вам, господа, маленький секрет, который следовало бы раскрыть. Со своей стороны я тоже проведу расследование. А что касается причины смерти, то в ней нет ничего необычного. Банальный инфаркт миокарда, случившийся примерно пятьдесят часов назад. Еще бы, туда было не так просто забраться. Бём умер без мучений, если это может вас утешить.

— Что вы хотите сказать? — спросил я.

Варель выпустила мощную струю никотина в стерильное пространство.

— Трансплантированное сердце не связано с нервными окончаниями. Поэтому никакой особой боли при сердечном приступе не бывает. Макс Бём не почувствовал, что умирает. Вот так-то, господа. — Она повернулась ко мне. — Вы займетесь организацией похорон?

Я на секунду заколебался.

— К сожалению, мне предстоит отправиться в путешествие... — пробормотал я.

— Ладно, — ответила она. — Потом разберемся. Свидетельство о смерти будет готово утром. — Она обратилась к Дюма: — Я могу поговорить с вами еще минуту?

Инспектор и врач попросились со мной. Дюма добавил:

— Не забудьте около полудня зайти подписать ваши показания.

Потом они ушли вглубь коридора, он со своим удивительно спокойным видом, она на своих грохочущих каблуках. Однако сквозь их стук я все же расслышал, как женщина негромко сказала: «Знаете, тут есть одна проблема...»

4

Снаружи уже занималась заря, сонные улицы освещались ее тусклым светом, и тени предметов отливали металлом. Я ехал по Монтрё, не обращая внимания на сигналы светофоров и направляясь напрямик к жилищу Бёма. Не знаю почему, но перспектива следствия по делу о смерти орнитолога пугала меня. Я собирался уничтожить все касающиеся меня документы и втихомолку вернуть деньги в ассоциацию, не посвящая в это полицию. Нет следов — нет и следствия.

Из осторожности я оставил машину в сотне метров от шале. Сначала проверил, нет ли фиксатора на дверном замке, потом вернулся к машине и нашел в сумке карточку-закладку из гибкого пластика. Просунул ее в щель между дверью и наличником и терзал замок до тех пор, пока мне не удалось поддеть язычок замка. Наконец я смог бесшумно отворить дверь, слегка надавив на нее плечом. И вот я очутился в доме покойного господина Бёма. В полумраке его жилище казалось еще более тесным и душным, чем раньше. Теперь это был дом мертвеца.

Я спустился в кабинет, расположенный в подвальном этаже. Мне не составило труда найти папку с надписью

«Луи Антиош» — она лежала на виду. В ней была выписка о переводе денег на мой банковский счет, квитанция на авиабилеты, договор о бронировании номеров в гостиницах. Я прочел также записи, сделанные со слов Нелли Бреслер:

«Луи Антиош. Тридцать два года. Усыновлен Бреслерами в возрасте десяти лет. Умный, яркий, восприимчивый. При этом склонен к безделью и отличается легкомыслием. Требуется особого подхода. До сих пор наблюдаются последствия перенесенного несчастья. Частичная амнезия».

Выходит, после стольких лет Бреслеры продолжали считать меня человеком с травмированной психикой. Я перевернул страницу. Дальше ничего не было. Нелли не сообщила никаких подробностей трагедии, произошедшей со мной в детстве. Тем лучше. Я забрал папку и продолжил поиски. В глубине одного из ящиков я обнаружил папку с надписью «Аисты», очень похожую на ту, которую подготовил для меня Макс в день нашей первой встречи; там были сведения о тех, с кем мне предстояло связаться, и другая полезная информация. Эту папку я тоже прихватил с собой.

Пора было уходить. Однако мной овладело необъяснимое любопытство, и я продолжил наугад рыться в документах. В облупленном железном шкафу высотой в человеческий рост я обнаружил тысячи карточек с записями о птицах. Они стояли плотными рядами, а их края пестрели разноцветными полосками. Бём объяснил мне смысл этих обозначений. Всем сведениям о птице, всем событиям в ее жизни соответствовала пометка определенного цвета: красный — самка, синий — самец, зеленый — перелетная, розовый — поражение электротоком, желтый — болезнь, черный — смерть... Таким образом, Бёму довольно было одного взгляда, чтобы без труда найти интересовавшие его в данный момент карточки.

Внезапно меня осенило: я просмотрел список пропавших аистов, потом отыскал карточки нескольких из них в шкафу. Бём делал записи каким-то непонятным шиф-

ром. Единственное, что я смог разобрать, — это что все исчезнувшие птицы были взрослыми особями, в возрасте семи и более лет. Карточки тоже отправились в мою сумку. Я тащил все, что попадалось под руку. Мной руководила какая-то непреодолимая сила, и я перерыл весь кабинет вдоль и поперек. Теперь мне не терпелось отыскать медицинскую карту Бёма. «Бём — классический случай из учебника», — заявила доктор Варель. Где ему сделали эту операцию? Кто ее сделал? Я ничего не нашел.

С досады я сунулся в крохотную комнатенку, смежную с кабинетом. Макс Бём держал здесь свои принадлежности, в том числе и для кольцевания птиц. Над планом работы разместились несколько биноклей, светофильтры и сотни разных колечек из всевозможных материалов. Мне попались на глаза хирургические инструменты, шприцы для подкожных впрыскиваний, бинты, шины, антисептические препараты. Макс Бём иногда охотно разыгрывал из себя ветеринара-любителя. Чем дальше я искал, тем больше жизнь этого пожилого человека представлялась мне одинокой, полностью посвященной каким-то странным увлечениям. В конце концов, я расставил все, как было, и поднялся на первый этаж.

Я ненадолго зашел сначала в большую комнату, затем в гостиную и кухню. Здесь повсюду стояли только швейцарские безделушки да валялись какие-то никому не нужные бумаги и газеты. Я поднялся на второй этаж. Здесь располагались три спальни. Та, в которой я ночевал, когда приезжал сюда в первый раз, выглядела все так же близко: небольшая кровать, какая-то нелепая мебель. В спальне Бёма пахло плесенью и грустью. Поблекшие краски и неуютная обстановка. Я устроил обыск в шкафу, секретере, ящиках комодов. Везде было практически пусто. Я заглянул под кровать, под ковер. Отклеил уголки обоев. Ничего. Разве только несколько выцветших фотографий на пожелтевшей бумаге на дне платяного шкафа. С минуту я разглядывал снимки. Маленькая женщина с неясными чертами лица, хрупкая фигурка на фоне тропических пейзажей. Несомненно, госпожа Бём. На самых последних фо-

тографиях — в блекловатых цветах семидесятых — она выглядела лет на сорок. Я прошел в третью спальню. Там тоже царила атмосфера запустения — только и всего. Я снова спустился вниз, собирая пыль, так и липшую к моей одежде.

За окнами вовсю светало. Паутина золотистых лучей мягко ложилась на спинки стульев и кресел и на края возвышений пола, неизвестно зачем устроенных в разных концах комнаты. Я присел на одно из них. В этом доме явно многого не хватало: медицинской карты Бёма (у больного с пересаженным сердцем должна храниться целая куча рецептов, томограмм, электрокардиограмм и т. п.), обычных сувениров путешественника — африканских безделушек, восточных ковров, охотничьих трофеев; не заметил я и следов его прежней профессии — ни пенсионных документов, ни выписок с банковского счета, ни налоговых квитанций. Именно так и поступил бы человек, если бы он хотел поставить жирный крест на своем прошлом. И все же где-то здесь непременно должен быть тайник.

Я взглянул на часы: семь пятнадцать. Если начнется следствие, сюда вот-вот зайвится полиция, хотя бы для того, чтобы опечатать дом. Я с сожалением поднялся и направился к выходу. Открыл дверь и внезапно вспомнил о многочисленных возвышениях пола. Ведь эти широкие ступени представляли собой идеальный тайник. Я вернулся туда, где сидел, и принялся простукивать боковые стороны возвышений. Они издавали пустой звук. Я спустился в подвал, в маленькую рабочую комнатку, схватил первые попавшиеся инструменты и тут же снова поднялся на первый этаж. За двадцать минут я вскрыл все семь возвышений в гостиной Бёма, стараясь ничего не сломать. У меня в руках оказались три больших конверта из плотной вощеной бумаги, запечатанные, покрытые пылью и неподписанные.

Я сел в машину и покатыл в сторону холмов, нависавших над Монтрё: мне хотелось найти уединенное место. Проехав около десяти километров, я повернул на пустынь-

ную дорогу и остановился в лесу, еще мокрым от росы. Дрожащими руками я вскрыл первый конверт.

В нем была медицинская карта Ирен Бём, в девичестве Ирен Фогель, родившейся в 1942 году в Женеве. Скончалась она в августе 1977 года в госпитале Бельвю в Лозанне от обширной раковой опухоли. В папке лежали только результаты рентгенографических и других исследований, несколько рецептов и в самом конце — свидетельство о смерти, телеграмма на имя Макса Бёма да письмо с соболезнованиями от доктора Лирбаума, лечащего врача Ирен. Я взглянул на конверт. На нем значился адрес, по которому проживал Макс Бём в 1977 году: дом 66, улица Бокассы, Банги, Центральная Африка. Мое сердце бешено заколотилось. Последним местом пребывания Бёма в Африке была Центральноафриканская империя. Место, печально известное безумными выходками ее тирана — императора Бокассы. Кусок непроходимых джунглей, знойных и влажных, затерявшийся где-то в самом сердце Африки — затерявшийся в моем далеком прошлом.

Опустив стекло, я глотнул свежего воздуха, потом продолжил изучать содержимое конверта. Наткнулся на фотографии хрупкой супруги Макса, а также на другие снимки, где Макс был изображен с подростком лет тринадцати. Их сходство просто поражало: мальчик был таким же плотным, с такими же коротко стриженными светлыми волосами, с темными глазами и мускулистой шеей сильного зверя. Однако в его мечтательном взгляде таилось легкомыслие, совершенно не вязавшееся с непреклонностью Бёма. Снимки явно относились к тому же периоду — к семидесятым годам. Семья в сборе: отец, мать, сын. Вот только зачем Бёму понадобилось прятать такие обычные фотографии в тайнике под полом? И где сейчас его сын?

Во втором конверте был только рентгеновский снимок грудной клетки, без даты, без имени, без описания. Не вызывало сомнений только то, что на размытой кар-

тинке явно просматривались очертания сердца. И в самом его центре выделялось маленькое белесое пятно с четкими контурами: трудно сказать, был ли это дефект пленки или какой-то плотный светлый шарик внутри сердечной мышцы. Я вспомнил о трансплантации. Передо мной, несомненно, было изображение одного из двух сердец швейцарца. Первого или второго? Я аккуратно спрятал листок в конверт.

Наконец настал черед третьего конверта: я открыл его и остолбенел. Невозможно представить себе зрелище ужаснее того, что предстало перед моими глазами. Множество черно-белых снимков, запечатлевших картину страшной резни: детские трупы, подвешенные на крюках, будто марионетки из человеческой плоти, только вместо рук и половых органов у них кровавые сгустки; мертвые лица с разодранными губами и пустыми глазницами; руки, ноги, другие части тела, отрубленные и сваленные в кучу, точно в лавке мясника; головы в корках запекшейся крови, раскатившиеся по столу и взирающие на зрителя сухими невидящими глазами. Это были трупы людей негроидной расы, все без исключения.

Фотографии изображали не просто место, куда наспех свозили мертвецов. В этом мерзком помещении стены сверкали белой плиткой, словно в больнице или морге, там и сям лежали блестящие металлические инструменты. Скорее всего, здесь была оборудована какая-то жуткая лаборатория или устроена камера пыток. Тайное логово чудовища, предающегося мерзким занятиям. Я вышел из машины. Отвращение и тошнота сдавили мне грудь. Освеженный утренней прохладой, я долго стоял так, время от времени бросая взгляд на фотографии. Я хотел ощутить их материальность, подчинить их своему сознанию, чтобы не выпустить их за рамки реальности. У меня ничего не вышло. Кричащая откровенность снимков, отпечатанных на крупнозернистой бумаге, создавала ощущение незримого присутствия где-то рядом со мной целой армии мертвецов. Кто и зачем учинил все эти зверства?

Гранже Ж.-К.

Г 77 Полет аистов : роман / Жан-Кристоф Гранже ; пер. с фр. Е. Тарусиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-09478-9

«Полет аистов» — захватывающий триллер Жана-Кристофа Гранже, писателя, чьи детективы издаются миллионными тиражами и непременно экранизируются, поскольку автор в совершенстве владеет мастерством создания невероятно ярких образов в сочетании с лихо закрученным сюжетом и напряженной атмосферой.

Луи Антиош, молодой ученый-философ, получает необычное предложение от друга своих приемных родителей, известного швейцарского орнитолога Бёма: проследить путь миграции аистов и попытаться выяснить, почему несколько сотен окольцованных птиц не вернулись в Европу, к родным гнездам. Накануне отъезда Луи находит Бёма мертвым. Обстоятельства смерти орнитолога выглядят, мягко говоря, подозрительными, и он решает, несмотря ни на что, совершить намеченное путешествие. Не проходит и нескольких дней, как Луи понимает, что его поездка — весьма рискованное предприятие.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

ПОЛЕТ АИСТОВ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Виктория Манацкова

Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректор Анна Быстрова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

Подписано в печать 07.03.2019.

Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-MBD-17501-07-R

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
АЗБУКА-АТТИКУС

В состав Издательской Группы
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, pop-fiction, художественные
и развивающие книги для детей,
иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям
знаний, историко-биографические издания.

Узнать подробнее о наших сериях и новинках
вы можете на сайте

www.atticus-group.ru

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг,
узнать о различных мероприятиях и акциях,
а также заказать наши книги через интернет-магазины.

 ИНОСТРАНКА

 АЗБУКА

 КоЛибри

 Махаон

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
АЗБУКА-АТТИКУС

В состав Издательской Группы
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, pop-fiction, художественные
и развивающие книги для детей,
иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям
знаний, историко-биографические издания.

Узнать подробнее о наших сериях и новинках
вы можете на сайте

www.atticus-group.ru

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг,
узнать о различных мероприятиях и акциях,
а также заказать наши книги через интернет-магазины.

 ИНОСТРАНКА

 АЗБУКА

 КоЛибри

 Махаон

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/